

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензия на книгу В.Ф. Петренко “Многомерное сознание: психосемантическая парадигма”. М.: Новый Хронограф, 2010

Книга В.Ф. Петренко интересна и основным содержанием, которое раскрывает не просто авторский взгляд на решение разных проблем психологии, политики, религии, искусства, но шире – целостное авторское мировоззрение, и вступительной статьей А.Г. Асмолова, и заключительной – А.М. Улановского.

В настоящей рецензии я коснусь тех частей основного содержания, которые затронули важные для меня аспекты, т.е. те, в которых, в общем-то, различные миры, “конструируемые” мной и Виктором Федоровичем, тесно соприкасаются. Это будет мое субъективное, пристрастное, определяющееся точками моего наибольшего интереса “отражение субъективного отражения” автора книги. Вступительная и заключительная статьи останутся за рамками настоящей рецензии, хотя, как мне кажется, они представляют специальный интерес для исследователя. Пусть их не описанное в рецензии содержание станет для будущего читателя дополнительной интригой, мотивирующей знакомство с книгой.

Раздел, посвященный анализу (методами психосемантики, что само по себе очень интересно) соотношения школы А.Н. Леонтьева с другими школами психологии, В.Ф. Петренко начинает с противопоставления теории деятельности (активности) и бихевиоризма по линии “активность (сопряженная с идеей эволюционизма) – реактивность”. Оно кажется мне точным, принципиальным и важным. Разное положение системы представлений на этой линии определяет научную картину мира, создаваемую не только психологами, но и физиологами, эволюционистами, молекулярными биологами, социологами, культурологами и т.д.

Особенно и приятно подчеркнуть, что развиваемая в нашей лаборатории системная психофизиология (вместе с “породившей” ее теорией функциональных систем, автора которой – П.К. Анохина – цитирует в связи с указанным противопоставлением В.Ф. Петренко) находится по одну сторону баррикад со школой, к которой принадлежит автор рецензируемой книги: на полюсе активности. Последовательное проведение активностного взгляда в системной психофизиологии позволяет предложить *системно-*

эволюционную альтернативу представлению о реактивности не только на уровне индивида или социума, но и на клеточном уровне. Идея реактивности заменяется представлениями об активности и целенаправленности, что, в свою очередь, обуславливает существенное изменение методологии, задач и методов (в том числе методов естественных наук) объективного исследования субъективного мира, культуры, социальных представлений, языка.

Интересно здесь отметить, кстати, что автор называет одну из наиболее известных концепций П.К. Анохина – “опережающее отражение” – оксюмороном, отдающим “дань стагнирующей идеологии” (с. 108). Первое, что хочется отметить, – пожалуй, тогда (больше 40 лет назад) еще не очень стагнирующей. Скорее, имеющей статус “нормальной науки” (по Т. Куну). Второе – именно оксюморон, если иметь в виду его определение, приводимое автором на с. 404: сочетание противоположных по смыслу понятий, в результате которых возникает *новое смысловое качество*. Отражение, конечно, *запаздывающее*. Потому что оно – рефлекс, механизм отражения среды посредством рефлекторной реакции на прошлое событие-стимул. Но живое отражает не событие, что было в прошлом (стимул), а готовится к будущему изменению среды, более того, строит его (результат), – утверждает Анохин. И новое смысловое качество, которое возникает, как мне кажется, состоит в том, что название концепции “оксюморонно” подчеркивает: с возникновением живого принципиально изменяется соотношение со средой. До возникновения живого, для физического мира – запаздывающее отражение (стимул-реакция), после, для живого – опережающая активность (целенаправленное поведение). “Оксюморонность” обуславливает рассогласование – обязательный (начальный) этап научения, получения нового знания.

В этом контексте представляется вполне закономерным рассмотрение автором человеческого поведения с точки зрения конструктивистской психологии: “не как реакции на предметную среду или социальную ситуацию, а скорее как вопрос(а), который субъект задает миру...” (с. 61, 114). Мне видится, что это понимание соотноси-

мо с представлением К. Поппера, критикующего “бадейную” теорию познания, в соответствии с которой информация (“сырой материал”), кодируемая с помощью органов чувств, стекается в “бадью” (в мозг), обрабатывается в ней при сравнении с материалом памяти, под влиянием эмоций, мотивации, под контролем внимания и пр. В результате синтезируется знание о реальной среде (объекте), формируется ее образ, отражение, восприятие. Значительная часть литературы в области как физиологии, так и психологии базируется на этом представлении, вполне согласующемся со здравым смыслом и парадигмой реактивности.

Нет, подчеркивает Поппер, индивид не получает знание извне. Познание начинается “изнутри”: индивид формулирует гипотезу и задает вопрос миру. *Ответ, который получает индивид, дается на языке этой гипотезы.* Но это еще не все. Данный ответ индивидом *интерпретируется* (опять-таки в терминах гипотезы). Добавим, что последняя интерпретация должна еще согласоваться с интерпретациями, сконструированными ранее. Не только подстроившись к ним, но и изменив их. Вот такая динамичная структура взаимосвязанных интерпретаций, создаваемая в процессе индивидуального развития, и представляет то, что называется “знанием о мире”.

Интересно, что около 40 лет назад мой учитель В.Б. Швырков, анализируя с системных позиций наиболее ранние фазы активности нейронов сенсорных областей мозга, которые до него неизменно рассматривались как отражающие физические свойства специфических (по отношению к данным областям) стимулов, пришел к идеям, находящимся в хорошем соответствии с представлениями о гипотезах и их проверке. Он утверждал, что самые ранние активации нейронов есть не кодирование свойств, а, по существу, ответ “да/нет” на вопрос, заданный (до стимула) индивидом. Никогда и нигде, с первой миллисекунды, с уровня рецепторов мы не имеем дело с бесстрастным отражением физических свойств среды (результат которого, как многие полагают, позже сопоставляется с материалом памяти). Тогда мы должны рассматривать так называемые “объективно существующие (физические) свойства объектов” не как “начало”, элементарный, сырой “материал” для процесса восприятия, а как сложные культурные концепции, создаваемые в науке, искусстве и т.д. Данные концепции и есть язык, на котором задаются вопросы индивидом. И этот язык, как прекрасно было показано в знаменитых луриевских экспериментах, культурозависим. Физические (вовсе не элементарные) свойства

“появляются”, если уж использовать термин “восприятие”, в его конце. Подобные представления перекликаются, как мне кажется, с идеями, развитыми в школе А.И. Миракяна.

В рамках разделяемого автором книги представления о познании как о пристрастном конструировании миров логичным оказывается и высказанное им мнение о том, что научная деятельность (как и любая другая) культурозависима. «Познание вне рефлексии мотивов, системы ценностей ученого как представителя некоей культуры ... в попытке “узнать, что есть на самом деле”, —... эфемерная задача», — пишет он (с. 99), считая “возможным говорить о психологической теории относительности категоризации и мировосприятия” (с. 115). Это мнение противоречит обыденным (но разделяемым большинством ученых!) представлениям о том, что существует лишь “единая мировая наука” и говорить о национальной специфичности наук нельзя. Но оно согласуется как с разработками в науковедении, так и с мнениями экспертов в разных дисциплинах о существовании значимых культурно-обусловленных особенностей русской, европейской (островной и материковой), американской и др. психологии, математики, физики, нейронаук и т.д.

В.Ф. Петренко приводит экспериментальные и теоретические аргументы в пользу того, что аффект *влияет* на размерность семантических пространств. Эмоции, — отмечает он, — уменьшают эту размерность и “субъект как бы переходит на более глубокие уровни категоризации — от опоры на денотативные признаки к более коннотативным” (с. 73). Это утверждение имеет серьезное значение для разработки множества проблем, не ограничивающихся, конечно, психо-семантикой. Проблем, относящихся к психологии (и биологии) развития (как индивидуального, так и филогенетического), к когнитивной психологии (и когнитивной нейронауке), к психологии (и биологии) эмоций и т.д.

Наши данные, получаемые в течение ряда лет при изучении активности мозга животных и человека и при лингвопсихологическом анализе, находятся в хорошем соответствии с этим утверждением. Однако, с моей точки зрения, эмоции не являются специальным причинным фактором, который может “влиять”, “воздействовать”, “уменьшать” и пр. Эмоции — не самостоятельный процесс, а *характеристики* сравнительно старых систем (формируемых на ранних этапах развития), которые соотносят индивида со средой на сравнительно низком уровне дифференциации. В определенных ситуациях (например, избира-

тельное угнетение активности систем высокой дифференциации алкоголем; воздействие на зрительное восприятие с использованием фильтров высоких частот, убирающих детали) “вес” низкодифференцированных систем возрастает. Индивид “возвращается” к ранним этапам развития – происходит регресс. С позиций первого лица (*first person perspective*) данные ситуации описываются как возникновение эмоций: отрицательных в ситуации избегания (*withdrawal*), положительных – в ситуации приближения к желаемому (*approach*). С указанных позиций следует полагать, что эмоции есть там и у тех существ, у которых есть развитие, осуществляющееся как переход от низко- к (сравнительно) высокодифференцированным соотношениям со средой, т.е. у всех живых существ. Поэтому в главном следует согласиться с тем, что, как пишет автор, “если *простейшее существо* сталкивается с неким объектом, то самые простейшие ощущения – они же *эмоции*, ориентирующие его в мире, – заключаются в том, вызывает ли этот объект боль или удовольствие” (с. 79; курсив мой – Ю.А.).

В.Ф. Петренко приводит данные Дельгадо, полученные при стимуляции мозга (с. 152), как аргумент в пользу мнения А.Р. Лурия о том, что “человеческая память содержит... практически все события, происшедшие с человеком в ходе его жизни”. Это утверждение представляется мне очень важным, поэтому отмечу, что в настоящее время в пользу такого мнения (а также мнения Л.С. Выготского о человеческой памяти как “геологических напластованиях”, мнения Я.А. Пономарева о стадиях развития, фиксированных как

уровни организации и т.п.) имеется, в том числе и у нас, много убедительных данных о постоянстве (вероятно, пожизненном) специализации нейронов относительно вновь формируемой памяти.

Нами получено также много аргументов в пользу значимого представления, обосновываемого В.Ф. Петренко, о том, что “субъект может иметь высокую когнитивную сложность в одной содержательной области и низкую – в другой” (с. 186). Обнаружено, например (на нейронном, психологическом, лингвистическом уровнях анализа), что домен опыта, включающий акты избегания, более сложен, дифференцирован и включает больше систем, чем домен приближения.

Заклячая, отмечу, что рецензируемая книга подробно аргументирует утверждение о том, что “семантические пространства являются мощным многомерным инструментом анализа картины мира человека” (с. 81). Читатель, который ознакомится со всем набором приводимых ее автором аргументов, получит, несомненно, ценную информацию об использовании этого инструмента в самых разных областях психологии, причем, что очень важно, получит из первых рук.

Ю.И. Александров,
доктор психол.н., профессор,
зав. лаб. психофизиологии
им. В.Б. Швыркова,
Учреждение Российской академии наук
Институт психологии РАН,
Москва